

Взгляд новичка

"Каждый хочет попасть в Рай, но никто не хочет умирать."

Из фильма Стивена Сигала "Отмеченный смертью"

"Старшие считают, что Самурай прежде всего должен быть настойчив."

Хагакурэ

"Меня уволили" - объявил Крис, - "за то, что я лысый". Он только что вернулся с самой высокооплачиваемой работы, которую можно себе представить на полставки. Крис уже несколько месяцев работал преподавателем в специализированной языковой школе, начальство в которой составляли японки пятидесятилетнего возраста. Дела шли не так гладко, как хотелось бы начальству. Рассказывая, Крис пытался выдержать невозмутимое выражение лица, но мне было очевидно, что он раздражен, скорее даже оскорблен, так как с некоторыми студентами отношения складывались действительно хорошо. Начальница же считала, что лучшим способом для увеличения дохода было нанять свеженьких и сексапильных учителей-англичан, чтобы привлечь прибыльный сегмент рынка - учениц колледжей и офисных дам. Крис со своей лысиной должен был уйти первым. "Зам начальницы предложила мне найти парик, дескать, даже Шон Коннери носит парик. Я сказал, что если они готовы оплатить парик, то я его надену... Тогда в самой деликатной форме меня уволили."

Крису нужно было взбодриться. Мы взяли на видео "Выход Дракона", один из любимых фильмов Криса, который я почему-то раньше не видел. Пока мы смотрели, Крис с удовольствием цитировал реплики Брюса Ли до того, как тот их произносил. Но мне запомнились не слова, а в начале фильма, вид с вертолета на остров, где ряды мужчин в белых пижамах выполняли базовую ката из карате. Они слаженно делали удары - раз-два, раз-два - их рукава разбивали воздух, создавая чудесный хлопающий звук. Это была пехота боевых искусств - и мне хотелось стать ее частью.

Однажды вечером Крис воспроизвел технику из недавно приобретенного пособия по айкидо. Фрэнк и я стояли друг напротив друга - Фрэнк держал меня за запястье. Такая атака нам казалась странной, но Крис пояснил, что захват за запястье был весьма распространен в феодальной Японии - его целью было остановить противника в попытке дотянуться до меча (прим. пер. - висящего на бедре). Под руководством Криса с помощью сложных манипуляций рукой и нескольких шагов я заломил руку Фрэнка ему за плечо. "Так?", - спросил я Криса. "Да, - он сверился с пособием, - А теперь ты должен либо сделать бросок, либо прижать его к полу".

"Давайте опустим эту часть, - сказал Фрэнк, по собственной воле свалившись на кипу матрасов, - вам не кажется, что это довольно сложно?"

Пришло время нам найти учителя. Проснувшись намного раньше обычного, Крис, Толстый Фрэнк и я притащились на станцию, чтобы отправиться в знаменитое додзё Ёшинкан. Крис посоветовал нам до поры до времени "держаться головы пониже", потому что этикет очень важен в боевых искусствах и особенно в Японии. Додзё располагалось на 3-м этаже офисного здания. Мы вошли в лифт.

Двойная деревянная дверь, ведущая в додзё, была окружена табличками из кедрового дерева с вырезанными на них иероглифами, что напомнило дорогой японский ресторан. Внутри все было серо-функциональным, пыльный запах придавал ощущение официальности и безразличия. В тусклом свете можно было разглядеть везде развешанные портреты основателя (прим. пер. - стиля Ёшинкан) Годзо Шиода, которому сейчас было 77, вместе с фотографиями знаменитостей, посетивших додзё. Молодой японский учи-деши (внутренний ученик) сидел за стеклом квадратного стеклянного отсека приемной. В офисе додзё за его спиной

учителя глазели в окна, курили или рассматривали экраны японских "текстовых редакторов". Из тренировочного зала, который и был непосредственным додзё, доносились крики и грохот падающих тел.

Я уставился на фотографии знаменитостей. Роберт Кеннеди посетил додзё незадолго до его убийства в 1968. Майк Тайсон побывал здесь незадолго до убийства в двенадцатом раунде Бастера Дугласа в 1989. Король Норвегии тоже заглядывал сюда, но тогда король Норвегии посещал и бар моего колледжа в 1978, как это делали знаменитости, король Норвегии был чересчур доступен, чтобы иметь какое-либо серьезное значение.

Мы тихонько сняли обувь и вошли в основной зал. Он был большим, с высокими потолками, пахло потом и соломой, которой было набито татами на полу. Обивка была деревянной и безвкусной. Я заметил висящие на стене мечи.

Все ученики уважительно сидели на коленях перед учителем, японцем среднего возраста с важным видом и мягким голосом. Крис, Фрэнк и я сели сбоку на места для зрителей.

Два ученика вскочили - один держал нож, а другой меч. По команде оба как одержимые рванули атаковать учителя. Учителя выглядел скучающим и пассивным. Мне казалось, что не происходит ничего необычного, как вдруг тот, что был с ножом, оказался в воздухе, а учитель уже прижимал второго парня мечом к полу. Погодите, а в чем фокус-то? Я придвинулся поближе, чтобы присмотреться получше. Теперь учитель показывал бросок на невооруженном атакующем. Это было похоже на борцовский бросок, за исключением того, что когда атакующего бросали, он словно нырял в воздух, делая кувырок вперед.

Теперь учащиеся разбились в пары и начали друг друга бросать. Меня словно загипнотизировали их грациозные движения и кувырки. Мне казалось, я никогда не смогу сделать ничего подобного.

Сама техника броска казалась проще. Как только становилось понятно какой сустав повернуть и в какой момент, атакующий просто переворачивался.

Внезапно айкидо мне представилось возможностью узнать человеческое тело через призму его слабых точек. Это был живой университет, безмерная, сложная, целая система мысли и действия, о которой я раньше и не догадывался. По сравнению с этим просто бить руками и ногами казалось пошлым.

Теперь ученики тренировались по одному, скользя ногами по полу и двигая свои руки вверх и вниз перед собой. Это выглядело странно. С другой стороны я точно знал, что я бы смог болтаться кругами по залу, как обколотый балерун. Это простое упражнение дало мне надежду, хотя я и не смог увязать его ни с чем увиденным.

Впервые в жизни я наблюдал за чем-то, что я не понимал и, тем не менее, частью чего хотел стать. Мне надоело быть аутсайдером в Японии. Я хотел стать частью какой-то группы. Сам факт, что нужно потратить годы на то, что бы стать мастером, меня совершенно не смущал. Более того, он меня успокаивал. Это значило, что айкидо должно быть действительно сложным и серьезным, а значит действительно стоящим моего внимания. Это не был просто кикбоксинг с приятелями, а нечто близкое к религии.

Дух религиозности сохранялся и пока студенты кланялись друг другу. Лучи утреннего солнца освещали через окна потолок додзё и подсвечивали белые пижамы учеников сияющей полосой света. Затем они встали и выполнили последнее упражнение в парах, кружась и держа руки как в шотландском танце. Атмосфера полной самоотдачи и пьянящей серьезности одновременно с необъяснимой природой движений все это время держала меня в состоянии транса.

На полусогнутых ногах мы вышли из додзё, давая возможность глазам привыкнуть к темноте коридора.

- Что ты думаешь? - спросил я у Криса.

- Этот учитель, мне кажется его зовут Чидэ-сэнсэй, один из тройки лучших в мире. Очевидно, что он очень хорош, - Крис у нас знал все.

- Это немного похоже на дзюдо", - сказал Толстый Фрэнк.

- Ничего подобного, - ответил Крис, - совершенно не похоже.

- Ну что, мы присоединимся или как? - спросил я.

- Не знаю, как вы вдвоем, а я точно записываюсь, - ответил Крис, показывая ученику за стеклом приемной, что ему нужна ручка.

- Мне кажется, это все инсценировано, сказал Фрэнк, - Но похоже на хороший способ похудения. Вы видели как высоко они летают, если их кинуть?

Все было решено. Мы все собрались начать заниматься айкидо.

Из ниоткуда появился Пол, английский агент лондонской полиции, пребывавший в отпуске. Он был жизнерадостным и высоким и входил в состав международного обучающего персонала додзё. Пол сказал нам, что год назад окончил жесткий курс гражданских полицейских. Втолкнув нас в маленькую комнатку с автоматами газировки, он раздал формы для заполнения.

- То, что здесь предлагается - это тренировка, - сказал Пол. - Ничего броского, ничего мгновенного, но если вы задержитесь, то увидите, что оно работает.

Он описал предлагаемую систему обучения. Были обычные занятия, занятия специального назначения и занятия "сэншусей". Мы подписались на обычные занятия, которые были самыми дешевыми и единственными, куда нас могли взять по уровню подготовки.

- А что за курсы "сэншусей"? - спросил я.

- Гражданская полиция, - ответил Пол.

Повисла пауза.

- А вы когда-нибудь встречались с Майком Тайсоном? - это был единственный вопрос, который пришел мне в голову (на стене среди фотографий знаменитостей посетивших додзё была фотография Тайсона), а работа Пола включала в себя ответы на вопросы.

- Нет. Но как вы видите, он приезжал сюда посмотреть на Канчо-сэнсэй.

Пол сказал, что в додзё все так с уважением называют основателя Годзо Шиода "Канчо-сэнсэй". Я сделал в уме пометку выучить правильное произношение обращения к основателю.

Пол с вниманием изучил каждую закорючку в заполненных нами формами. "Значит, ты учился в Оксфорде?" Я заметил намек на издевку в его голосе и тут же пожалел о раскрытии этой информации. Хотя он и выглядел как адепт боевых искусств, но в душе был любопытным английским "бобби".

Мы купили униформы, которые были выданы прямо со склада, завернутые в полиэтилен. Я свою держал в руках с большой любовью. Внезапно пришло ощущение реальности. Мы решили начать со следующего же занятия для иностранцев, которое должно было начаться в то же утро через полчаса.

После распаковывания униформы мы переоделись в тишине в раздевалке, заполненной серыми пыльными ящиками. Толстый Фрэнк и Крис направились в сторону основного додзё. Я же решил оглядеть раздевалки. Несколько переодевавшихся иностранцев выглядели внушительно мускулистыми и физически развитыми. Я не был толстым, но и не был особо мускулистым. Моя грудь была практически лишена рельефа, и на ней также было не много волос. К счастью нам не нужно было тренироваться голыми.

Тренировочный зал додзё представлял собой большое помещение, устланное традиционными матами "татами" в количестве более 200 штук, под прорезиненным покрытием, что упрощало очистку от пота и крови. На стороне, где занимались новички было огромное зеркало, 10 метров в длину и 5 метров в высоту. Каждый день оно было отполировано газетами и спецраствором для стекла до идеальнейшего состояния.

Я вошел в основной зал, пытаясь придать себе расслабленный вид в моей новой униформе "доги". "Доги" представляла собой белый верх и низ, пижаму, которую носили все занимающиеся японскими боевыми искусствами. Я был немного разочарован, что моя была почти желтой по цвету, в то время как все остальные носили чудесно-белые пижамы. Крис сказал, что стирка исправит эту проблему. Я планировал стирать свою настолько часто, насколько это будет возможным, чтобы не выглядеть абсолютным новичком.

Японский преподаватель кэндо в университете, где я работал, сказал мне что никто из японцев не одевает нижнего белья под доги, когда занимаются боевыми искусствами. Я все же решил свое не снимать, так я себя ощущал поуверенней. Крис и Фрэнк разминались в углу. Во всем додзё было около десяти неяпонцев, которые тоже разминались. Двое или трое японцев тренировали ныряющие кувьрки в другом углу, они посетили более раннее занятие, проходившее в 7 утра на японском языке, и все еще оставались в зале. Мне оказалось довольно сложно отличить Фрэнка и Крису от остальных (несмотря на то, что оба были с серьезным перевесом, определено два самых толстых парня во всем додзё), потому что я был без очков. На расстоянии более пяти метров все уже расплывалось перед глазами. Крис тоже был без очков, но его зрение было не таким плохим.

Я сощурился и распознал Криса и Толстого Фрэнка. Я начал копировать разминку Криса, которую он видимо припомнил со времен своих тренировок кунг-фу подростком. Я не был уверен, разрешалось ли разговаривать в зале, но рискнул. "Крис", - прошептал я, - "почему все постоянно говорят оос! друг другу?". С момента входа в додзё я слышал как сказали, проорали и прошипели "оос!" на входе и выходе по крайней мере пятьдесят раз. Мне показалось, что это какое-то много-функциональное приветствие, как, например, "кокни" (прим. пер. - уроженцы бедного района Ист-Энд в Лондоне) используют "оурайт?". "Знак уважения", - рявкнул он и наклонился к носкам. Крис не одобрял разговоров в додзё.

Кто-то прокричал "сейдза" и мы все покорно присели на коленях в линейку лицом к святыне. Священным местом в додзё была деревянная полка содержащая объекты религиозного значения в синтоизме, в том числе вазы, подставки для благовоний, цветы, зеленые ростки сасаки и даже фрукты. Мы сидели в сейдза (японская поза сидя на коленях) в течение пяти минут. До этого я никогда не сидел на коленях так долго.

После пяти мучительных минут высокий, практически лысый мужчина со светлой бородой энергично прошагал к священному месту. Его звали Роберт Мастерд и он был лучшим иностранным учителем в Японии и вероятно одним из лучших иностранных айкидока в мире. Ба том этапе, когда айкидо еще казалось очаровательным и далеким, он поразил меня своей силой и чрезмерной прямоотой; даже показался человеком которого стоит бояться. Старшие ученики выкрикнули команду поклониться и все поклонились.

Мы все распределились по залу и минут десять делали растяжку. Все делалось под счет на японском: "Ичи - ни", - кричал учитель. "Сан - ши", - отзывались мы. "Го - року", - продолжал он кричать. "Шичи - хачи", - мы орали в ответ. Позже я узнал, что программа этой разминки была разработана более пятидесяти лет назад и использовалась вооруженными силами до войны.

После разминки учитель громко позвал всех начинающих подойти к зеркалу. Он взял остальных, у кого были черные или коричневые пояса и отвел в противоположный конец зала.

Я шел к зеркалу и Пол, который тоже был высоким и светловолосым, но не лысым, проорал, чтобы я бежал. Меня это немного шокировало, но по какой-то причине одновременно и порадовало. Было приятно оказаться в месте, где люди не осторожничали и не боялись давать приказы.

Начинающие, в количестве шести или семи выстроились перед зеркалом и тренировались под руководством Пола. Он выглядел крепким и жестким с его коротко-остриженными волосами и сильными, простыми движениями. Мы, новички, напротив, двигались неуклюже и пыхтели над элементарными движениями, что нам давались для механического запоминания.

Пол был одним из четырех иностранцев, которые прошли курс гражданской полиции предыдущего года. Роберт Мастерд, тоже прошел этот курс в 1986 году. Полицейский курс уже преподавался более тридцати лет. Традиционное додзё до сих пор считалось лучшим местом для тренировки "Кидотай", японской гражданской полиции, элитарного подразделения национальной японской полиции. Их обязанности включали от дипломатического полицейского контроля и воздушно-морских спасательных работ до ношения самурайской экипировки во время уличных шествий в Японии.

Из нашего угла я мог видеть, как черные пояса кружились, ныряли и кидали друг друга во все стороны. Были слышны громкие шлепки во время их удара об мат, чтобы прекратить падение. Все выглядело слишком сложным и акробатическим для нормального человека. Я пытался сконцентрироваться на текущем здании, которое заключалось в стоянии основной боевой позиции под названием камаэ.

Роберт Мастерд оставил черных поясов на какой-то момент, подошел и в два быстрых движения выгнул меня в правильную позицию - согнувшись вперед, словно держа меч, но с вытянутыми руками и растопыренными пальцами. От него пахло сигаретным дымом и чувствовалась сила его запястий; это сочетание мне напомнило отца, когда я был маленьким. "Все начинается с камаэ", - сказал Мастерд, - "и все возвращается в камаэ". Он несколько раз принял боевую стойку. Его голубые глаза буравили меня. Я был неспособен оценить знает ли Роберт Мастерд айкидо или нет, но он выглядел достаточно устрашающе в его белой пижаме.

Мы тренировали и другие основные движения, в том числе скольжение ногами вдоль матов вместо простых шагов - это был способ плавного перемещения веса

тела; мы тренировали вращение на одной ноге, подтягивая другую позади по кругу – это учило нас передвижению всего тела как единого целого, что гораздо мощнее, чем двигать тело по частям или барабара на японском.

Движения были преувеличены, чтобы важные принципы (такие как использование полного веса бедер для усиления удара, который мог бы затеряться в естественном движении) были бы подчеркнуты, натренированы и развиты. Этот основополагающий момент в системе Ёшинкан позволяет достаточно быстро довести учеников до высокого уровня айкидо. Тем, кто тренирует только естественные движения, приходится тратить годы прежде, чем они смогут постичь некоторые базовые принципы, которые лежат в основе техники.

Когда занятие закончилось, мы снова сели на колени в линию, поклонились учителю, священному месту и помощникам учителя. После этого все поклонились всем, с кем работали, бормоча торопливое "Домо аригато гозаймашита" (спасибо большое), прежде чем двигаться дальше. Для меня поклонов было слишком много. Толстый Фрэнк получал особое удовольствие, произнося нараспев "харригата гуззимашита"м что если говорить быстро звучало нормально, но на самом деле было двойным ругательством, так как извращало японский язык и подчеркивало специфические характеристики "мужского полового органа" на иранском "член, испускающий наружу вонючие газы".

После занятия один из учеников рассказал историю визита Тайсона. Для всех нас, новичков, было важно, что Тайсон, лучший "боец" в мире посетил додзё, так же как и мы. Это означало, что с тем, чему мы начинали учиться, считались в мире крутых кулаков и нокаутов.

Дон Кинг и Тайсон хотели увидеть "реальную вещь", настоящего мага боевых искусств, такого как в американских комиксах и боевиках, маленького старичка, который мог разобраться с тремя или четырьмя громами габаритов Тайсона.

Канчо представил свою как всегда потрясающую демонстрацию. Он бросал людей на расстояние в половину додзё без малейших усилий. Когда пять преподавателей возникали перед ним, размахивая ножами и мечами, он уклонялся от их атаки, ныряя и рубя по шее атакующих, так что они валялись вокруг него как кегли.

Кинг согласился, что это и вправду была реальная вещь. Тайсон заметил: "а ведь все дело в коленях, да?" Что было невероятно пронизательным для первого наблюдения за техникой айкидо.

Канчо был не меньшим шоуменом, чем Дон Кинг, и предложил выполнить замок никадзо на Тайсоне. Маленький старичок предложил выполнить болевой на запястье величайшего в мире боксера в тяжелом весе, но Тайсон отказался: "Вот это [он показал на свои руки] застраховано на тридцать миллионов долларов. Я не могу подпустить вас к ним."

Ученик объяснил, что в этом-то и заключается разница между спортом и будо, боевыми искусствами. В будо себя никогда не жалеешь.

Мы вернулись домой на Фуджи Хайтс, переполненные новыми знаниями айкидо. Доги были загружены в стиральную машинку, а потом развешаны на веревке перед входной дверью в квартиру. Соседи, которые раньше предпочитали избегать шумных соседей вежливо спрашивали "дзюдо дес ка?". "Нет, айкидо", – мы позволяли себе отвечать с гордостью. Наши белые пояса мы не стирали и не выставляли на показ. Не то, чтобы мы стыдились, что мы новички, просто было приятнее дать людям возможность предположить, что мы уже эксперты. Я убедил себя в верности приметы, что пояс является вместилищем ки или жизненной энергии и что его стирка ведет к расточению этой энергии. Отсюда же шло объяснение происхождения черного пояса – после долгого обучения и тренировок белый пояс естественным путем окрашивался в черный цвет. С введением же экзаменов на черный пояс, стали выдавать готовые черные пояса. Весьма забавный парадокс – в том, что у долго занимающихся айкидо мастеров из черного пояса со временем превращается в белый. Естественно и то, что нетерпеливые пытаются стереть верхний слой своих черных поясов как можно быстрее.

Мы все еще имели проблемы с тараканами. Когда мы рано вставали и включали свет орды тараканов разбегались далеко. Они были новой суперпородой таракана, генетическими мутантами, которые перемещались со скоростью молнии и жили электроприборах длительного пользования. Они были чрезвычайно маленькими и весьма хитрыми. Как вы сможете разместить отраву или ловушку для тараканов в автоответчике, компьютерном принтере или проигрывателе компакт-дисков?

Истребление тараканов монстров нарушило кухонную экосистему и дало начало

новому наплыву паразитов. Это выглядело так, словно мы должны были принять их как постоянных сожителей.

По вечерам, когда не было ничего особенно захватывающего типа игрового шоу по телевизору, мы повторяли техники, пройденные утром. Мы не могли тренировать броски, но нам как раз хватало места, чтобы один уложил другого на пол. В то время как Крис предоставлял нам свой критический взгляд, Толстый Фрэнк делал стандартную форму атаки предплечьем в лицо или захват моего запястья своей мясистой рукой. Тогда я обходил атаку и применял замок на запястье или руке, выводя Фрэнка из баланса. В этот момент он должен был быть плавно уложен на землю, что получалось не всегда. Обычно он сопротивлялся и отказывался лететь головой в стопку книг. Мы не были достаточно продвинутыми, чтобы заставить технику работать при реальном сопротивлении, поэтому практическое занятие разваливалось в условиях взаимных упреков и обвинений в отсутствии спортивного духа.

Похоже Крису и Фрэнку айкидо нравилось больше, чем мне. Мне нравился процесс тренировок и посиделки в кафе после, но когда я думал об айкидо, то это было редко связано с предвкушением предстоящего занятия. Тем не менее если я пропускал тренировку, то переживал, а этого для начала было вполне достаточно, чтобы не бросать тренировки.

Что касалось идеи айкидо, то это было совсем другое дело. Это меня действительно интересовало. Я хотел освоить секретные техники, оги, которые делали преподавателей айкидо такими внушительными. Конечно, я должен был прежде всего освоить базовые техники, но непосвященным даже в них виделось что-то магическое.

Крису больше всего нравилась техника надавливания на болевую точку на запястье повыше большого пальца. Он наслаждался, мучая Фрэнка и меня, нажимая на точку и через боль контролируя наши движения. Мы, конечно, должны были притворяться, что совсем ничего не чувствуем.

Я быстро дошел до мысли, что изучение боевых искусств, или хотя бы айкидо, было связано с болью и унижением. Когда мы учились броскам в додзё, мы выстраивались в ряд в углу и один ученик бросал всех по очереди. Я никогда не любил быть бросающим, потому что в это время все глаза были направлены на меня. Каждая ошибка была всем очевидна. В некоторые дни я попадал в гущу унижения и тогда все "бросаемые" выходили из своего ровненького ряда и толпились вокруг меня, давая противоречивые советы.

Однажды у меня почти получилось. Толстый Фрэнк, сделал выпад, чтобы схватить меня за запястье и, удачно подгадав время, я повернулся, почувствовав как его огромная туша набирает скорость, все еще пытаюсь удержать равновесие. Ощущение напоминало раскручивание над головой пакета с покупками. Когда я отпустил, бросок не был чем-то замечательным, но это не имело значения. Я почувствовал абсолютную красоту кругового движения и контроля. Красота и сила. Теперь я понял по поводу чего была вся возня.

Со своим нюхом на информацию, Крис вскоре стал кладезем местных сплетен. У нас появились новые друзья в додзё – Уилл, косой американец, и Пол, полицейский, который открыл себя в лечении Нового Века и современной поэзии. Он также проболтался, что когда-то был бойскаутом.

Я начал ходить на тренировки в додзё по утрам 3 раза в неделю. Толстый Фрэнк и Крис, имея больше свободного времени – каждый день. Довольно скоро они начали опережать меня, несмотря на их физические недостатки в весе и размере. Фуджи Хайтс превратился из болтающегося без управления суденышка с безразличной командой в подтянутый корабль с ранней побудкой и разумной продолжительностью сна.

Гордость заставляла меня стремиться не отстать от Криси и Толстого Фрэнка, которые теперь изучали все больше и больше техник. Я старался нагнать их, посещая занятия по вечерам, которые проходили на японском языке. Они были более организованными, чем занятия для иностранцев и обстоятельнее по подаче материала.

Именно там я заработал себе врага или мне так показалось. Я тренировался в паре с нервным молодым человеком, который был еще более неуверенным и неловким, чем я. Нас прервал старший учитель, который вел класс, Оямада – он прибрел в нашу часть зала посмотреть как работают новички. У Оямады были редкие волосы, а также невероятно длинное тело и короткие ноги, что представляло собой идеальное телосложение для айкидо. Он подал мне знак, чтобы я захватил его запястье, что я и сделал. Он двинулся в сторону и поднял

мою руку, разорвав хват и захватив мое запястье своими лапищами. После этого, на болевом контроле, Оямада резко рванул запястье вниз так, что я почувствовал вес всего его тела. Я обрушился на колени, боль мгновенно разнеслась вверх по руке. Я даже решил, что что-то сломалось и невероятно разозлился.

Я стряхнул его с себя – что, как мне уже было известно, плохо вписывалось в этикет додзё. Оямада просто посмотрел на меня пустыми глазами и ушел. Я не мог понять, что произошло. Это казалось актом бессмысленной жестокости. Боль ушла, серьезных повреждений не было. Но причина мне была неясна – он придрался ко мне, потому что я был иностранцем? или его стиль был реальным айкидо, а то, чем мы занимались, девчачьей имитацией? Ничего, что я испытывал при работе с другими учителями, не могло по силе и боли сравниться с этим.

Я пошел домой и пожаловался Крису и Толстому Фрэнку. Крис уже знал все о Оямада. Он пытался установить свою репутацию в додзё и не "разбавлял водой" свою технику ни для кого, особенно иностранцев. То, что я почувствовал, была боль, которую можно было ожидать от айкидо "по максимуму". Именно тогда я понял, что надо менять отношение к боли. Я должен был признать, что существовали люди, которые хотели тренироваться как Тессю: по пути принимая боль и также по пути раздавая боль.

Когда я посещал утренние занятия, я все чаще обращал внимание на небольшую группу иностранцев, которые тренировались на дальней части додзё. Ученики в группе внимательно наблюдали за демонстрацией, когда сами не выполняли технику; все до одного они носили белые пояса и насквозь пропитанные потом и забрызганные кровью пижамы. Я обратил внимание на одного молодого мужчину, высокого и атлетически сложенного, у которого было по шестидюймовому (прим. пер. – приблизительно 15 см) красному разводу на каждом из колен. Казалось, он не обращал внимания на тот факт, что истекал кровью во время выполнения движений, которые требовали от него двигаться на этих самых кровоточащих коленях. Из того конца додзё доносились громкие крики. Учителя словесно и физически оскорбляли учеников. Когда учитель заходил слишком далеко, это даже напрягало.

Крис сказал мне в чайной комнате после занятия, что это были записавшиеся на "Курс". Они были иностранцами, которые учились на курсе подготовки японской гражданской полиции (сэншусей). "Настоящие безумцы", – бормотал Крис. Я сразу же захотел стать одним из них, одновременно осознавая, что это вероятно было физически невозможно. Они казались пришельцами с другой планеты, в них было что-то совершенно профессиональное, что делало наши попытки "беззубыми" и неэффективными. На иррациональном уровне закрепились идеи: если хочешь научиться реальным вещам, иди на курс сэншусей.